

«Я ПОЛОН СВЕТА...»

23 февраля Дмитрию Блынскому исполнилось бы 92 года. Удивительного русского поэта на стало в октябре 1965-го, когда ему было всего 33 года...

Держу книгу —
однотомник Дмитрия
Блынского. Быстро
перелистываю
страницы — снова
хочу углубиться
и в давно известные
мне стихотворения,
и в совершенно
новые для меня
материалы. Только
мой взгляд невольно
останавливается
на облике автора:
совсем парнишка,
совсем деревенский
и понятный...

*То дорога, то тропка
узкая...*

— начинаю читать и оста-
навливаюсь... закрываю
глаза... и ту самую дорогу
шестьдесят пятого вику —
северную, узкую, похожую
на тропку.

В феврале 1964 года Дми-
трий Блынский давал мне
знать своим письмом: «В из-
дательство (в то время Ор-
ловское книжное. — Прим.
авт.) я писал. Предлагал из-
дать А. Шилияева, А. Смир-
ных и В. Дронникова. Может
быть, под одной обложкой». Я
тогда учился в Саратове,
в одном из крупных лите-
ратурных центров Сою-
за. Было кому и поругать,
и поддержать неопытного
литератора. Но письмо
Блынского окрылило меня.

*То дорога, то тропка
узкая.*

*Ой, ты, русская, наша
русская,*

Наша отчая сторона!

Он в те времена печатал-
ся во многих изданиях. Га-
зеты «Правда», «Известия»,
«Комсомольская правда»,
чей лишь разовый общий
тираж составлял более со-
рока миллионов экземпля-
ров, которые ходили и чита-
лись по всему белому свету,
давали целые подборки его
стихов. Центральные изда-
тельства охотно выпускали
его книги массовыми тира-
жами. Популярность поэта
набирала стремительную
скорость.

*Зайди в село —
Спокойная душа
Нетронутой останется
едва ли:*

*В моём селе не
встретишь малыша —
Четыре года
Бабы не рожали.*

Это — о легендарном, о
незабываемом для всех нас,
победном и многообещаю-
щем сорок пятом.

В 1965 году меня посла-
ли на преддипломную ста-
жировку в Вологду. И в это
же время в том же суровом
районе, только в Мурман-
ске, Дмитрий Блынский по
направлению газеты «Прав-
да» изучал службу и быт на-
ших военных моряков. Он
часто выходил в море. Ему
нравилась непокорная сти-
хия — ведь он служил на
флоте. И случилось то самое
роковое, о чём он жаловался
мне в письме в 1964 году:
«Потом заболел, открылась
старая — с 1947 года — бо-
лезнь: язва желудка».

Мы возвращались в Мос-
кву почти параллельными
путями. Он — усопший —
раньше меня, глухой север-



ной тропкой. А я — уверен-
ный и радостный — позже,
как мне казалось, скорост-
ной искромётной дорогой.
Я так надеялся на столич-
ную встречу...

Московский трамвай
скрипел противно и визгли-
во. Тесть Блынского и я еха-
ли на Пятницкое кладбище
к поэту. Я слушал и слушал
пожилого человека, хоро-
шо знавшего и любивше-
го Дмитрия. А в памяти на-
стоячиво звучали его стихи:

*Край наш — степи его,
леса его, —*

Наша отчая сторона.

*У Гордейчева, у Исаева,
У Полянского ты одна.*

*Ты нам пращурями
завещана,*

*Чтоб любили тебя,
храня,*

*Ты для Фирсова — мать
Смоленщина.*

*Мать Орловщина — для
меня...*

Я прикрыл книгу. Сме-
жи глаза. Подпёр ладонью
голову, точно многопудо-
вый глобус. Какое высокое
русское слово! Какие мо-
лодые имена! Зримо пред-
ставляю эту новую поко-
ленческую гвардию. Это
они, мои старшие товари-
щи, мои мудрые собраты
по вере, по перу, это они,
робкие и откровенные, без
связей, без знакомства, са-
мозабвенно и преданно
штурмовали острые пики
русской поэзии. Это они
взяли многие неприступ-
ные высоты и оставили на
них свои правдивые сердца.

И снова перед моими
глазами первые страни-
цы прекрасно изданного
однотомника «Я полон све-
та...». Руководитель Орлов-
ской области Егор Семёно-
вич Строев пишет в своём
предисловии: «Хочу верить,
что посмертное издание из-
бранного творчества Дми-
трия Блынского и будет
его заслуженным возвра-
щением не только к земля-
кам-орловцам, но и ко всем
россиянам».

Дмитрий Блынский бого-
творил Сергея Есенина. Сам
очень даровитый поэт, он
порою безотчётно прекло-
нялся перед есенинской ли-
рой. Это не могло не влиять
на его житейский уклад, вы-
сокое русское слово — Блы-
нский нередко подражал Есе-
нину и в повседневной жиз-
ни. О своих поездках на Ря-
занщину поэт восклицал:

*Всегда, всегда во сне и
наяву,*

*Зелёную, багрянную, седую,
Мою берёзку солнечно-*

прямую

Берёзкою Есенина зову.

Действительно, много
схожего можно заметить
в их литературной и че-
ловеческой судьбе — это,
бесспорно, подтверждают
жизнь, творчество и даже
сама ранняя смерть Дми-
трия Блынского.



Дом-музей Дмитрия Блынского в деревне Васютино
Покровского района



Дмитрий
Блынский
(слева) —
матрос
Балтийского
флота

Особое упорство и тру-
долобие в составлении
книги «Я полон света...»
проявили сестра поэта Ва-
лентина Блынская и писа-
тель Пётр Родичев. Они су-
дели представить творче-
ство Дмитрия Блынского
во всём его многообразии.
Здесь не только разножан-
ровая поэзия, тут и сказ-
ки, и переводы, и проза,
и письма, и творчество
других авторов, посвя-
щённое таланту Дмитрия
Блынского...

Нельзя легко и хладно-
кровно читать откровения
сестры поэта в её взвол-
нованном вступительном
рассказе «О своём брате».
Кажется, всё пережил рус-
ский человек, всё он испы-
тал на своём веку, а встре-
чаешь сердечную исповедь,
и слёзы застилают глаза,
и душа трепещет от обна-
жённой правды. «Отец ле-
жал в летней комнатуш-
ке, — с болью вспоминает
сестра, — возле него сидел
Митя. Я помню, как брат
подбежал к маме с криком:
«Мама, что-то отец побел-
лел!..» В год смерти отца
Мите исполнилось 14 лет,
а родился он 23 февраля
1932 года в деревне Васю-
тино под Дросковым. Вжи-
ваешься в исповедь сестры
и начинаешь понимать: ви-
димо, в довольстве, в сы-
тости серьёзные поэты на
Руси не рождаются, пото-
му что первое дело поэзии
на Руси — это воспевать на-
дежды и чаяния народа, по-
тому что и сама Россия —
это горькая и неподража-
емая поэзия. Поэтому она,
мать-Россия, и рождает сы-
новей подобных себе, таких,
как Дима Блынский.

Поэт Дмитрий Иванович
Блынский творил в очень
тяжёлую, но очень благо-
приятную по своим наде-

ждам пору. Тогда ещё не
успели осквернить идеа-
лы социализма, тогда ещё
даже не догадывались о да-
лёких впереди годах «зре-
лого» социализма... Тог-
да люди жили надеждой,
а если в душах живёт на-
дежда, значит, в них зву-
чат музыка и слово.

На фоне всего этого по-
эзия Дмитрия Блынско-
го, полная самовыражения
и доверительности, явля-
ется ярчайшим примером
простосердечности. Да,
Дмитрий Иванович по са-
мой высокой оценке может
считаться предельно довер-
чивым и простосердечным
поэтом своего времени. Ибо
настоящий художник — это
лакмусовая бумажка своего
времени.

В который раз перечиты-
вая стихи Дмитрия Блы-
нского, собранные нако-
нец-то в его однотомник,
я откровенно и невольно
задаю себе вопрос: а стал бы
Дмитрий Блынский нацио-
нальным поэтом? И увере-
нно отвечаю себе и всем, кто
знаком с его творчеством:
да, Дмитрий Блынский мог
стать большим русским по-
этом! Природа наделила его
богатым, поистине русским
даром. Стихи ему давались
легко, но он брал для них
пока лишь то, что лежало
на поверхности, что поощ-
рялось к печати, что угод-
но было правящей идеоло-
гии. Отсюда его поспешные
стихи о вожде, родственни-
ках вождя, о коммунистиче-
ских мужах.

Но он родился истин-
но русским поэтом и при-
том вырос в крайней бедно-
сти. В мышлении его долж-
но было обязательно про-
изойти переосмысление,
что и сделало бы его нацио-
нальным поэтом. А природа
ему дала божий дар — рус-
ское слово.

И беря на первых по-
рах в свои строки пока до-
вольно очевидное, он ин-
туитивно понимал: надо
копать новые пласты, глу-
бокие, а может быть, и за-
претные; копать самоотвер-
женно, тяжело, не надеясь
на быструю славу.

Поэтический лик его
прочерчивался всё отчётли-
вее. Стихи «Моя точка зре-
ния» говорят о его граждан-
ских исканиях. Кажется, он
их находил. Кажется, начи-

нал он видеть великорус-
ские ориентиры:

*Позабыта квартира
душиная,*

*Мы в пути на ногах
с утра,*

*Эй, с дороги вы,
малодушные,*

Золотушные фраера!

«Золотушные и мало-
душные» оказались на диво
цепкими и пронзительными
ребятами...

Мне дорога память
о Дмитрии Ивановиче
Блынском. И не потому,
что мы жили почти рядом
(он — под Дросковым, я —
под Ливнами), и не пото-
му даже, что он даровитый
поэт с просторным и напев-
ным словом, с поразитель-
ной правдой о самых про-
стых людях, с точной при-
вязкой откровенного слова
к родной конкретной мест-
ности. Моя память о нём до-
рога его светом, его стрем-
лением к зениту. Помните,
он писал:

*К далёким звёздам путь
его пролёт...*

И он пролагал свой путь
к звёздам. И он сумел запе-
чатлеть своё время, свою
большую и малую Родину.
Слишком ранняя смерть по-
мешала ему стать большим
национальным поэтом, ка-
ким он в процессе творче-
ского возмужания должен
был стать по своей творче-
ской сути.

Орловщина — мать ве-
ликих прозаиков и поэ-
тов — не оскудела своими
животворными соками. Уже
в наше время она вскорми-
ла и вспоила поэта Дмитрия
Блынского. И нет за моей
орловской стороной ника-
кой вины, что поэт так рано
ушёл из жизни.

Будущие поколения пе-
резабудут наше время, ко-
торое нам запомнилось на-
всегда. Журналисты, исто-
рики в угоду правящим
элитам переиначат наши
события. А достоверную
поэзию — память времени
— переиначит невоз-
можно, поскольку она об-
щественно правдива своей
индивидуальностью. И по-
тому по неподвластной ни-
кому истине такая поэзия
остаётся для читающей пу-
блики в своём первородном
виде.

Анатолий СМИРНЫХ,
член Союза писателей
России